

ПЫЛЬ-СТРЕКОЗА*

* * *

(нынешняя осень откупилась прорвою яблок, и вся церковь в Мичуринце была в порезах сахарно-горчичного запаха, перебившего ладан,.. шло отпевание.., розовая крышка гроба стояла у входа как яблочный гном, управляющий жизнями всех утонувших в его садах)

мой воробей
зачем тебе карамельные пальцы
выкрали сон подожгли телефонную будку
спи в середине немытого яблока
птица журавль
птица удод
пыль-стрекоза

тощее солнце ну сколько порхать
леденцовая осень в чепце
а старуха в маразме
и чиркает птичку за птичкой
соринки налипшие осень
дрожащий приют возле губ
спутанный взгляд в паутине

зверь мой с измученной шкурой
на что тебе эта душа
карточный город – игральная кость
обманувшая ватную память

пыль, паутина

сентябрь 1996

КЛАДБИЩЕ Pere Lachaise

(кольцо позеленевшей меди,
вдогонку обручальное)

По кругу
каштаны плавали

* Из одноименной книги

раскачиваясь как больные псы
считая монотонно вслух надгробья
— и хрипло вдруг выкрикивали имя! —
так нежно лопалась древесная кора.

Апрельской изморосью вдале оно катилось —
прозрачный шар с разгадкой внутри.

май 1998

ты вдохнул меня — и выдохнешь
стекленеющую — выдешь:
птицею — не птицею
карлицей
змеей
из очей незрячих выдавишь
веселящий гной

помнится:
смертями малыми
да горлицами алыми
пеною да бездною
прикармливала ангелов

а с петлиц слетела дверь —
листьев преющих дремота
распласталась над порогом
ноги моет маята
темноокому
беспокойно в даль глядящему
монотонно говорящему:

— вижу как по дну реки
ходят черные мешки
все бормочут поджидают
по сто раз до ста считают
у них кровь на заплатах
крюки на воротах

пустынно нетленно
блаженно! блаженно!

31.05.99

На выгнивший на порог,
себя самой поперек
стволом
и
цвела на

губах моих
дребедень.
День стоял
но мне чудилось –
чудится день.

Отходила кора,
и корил меня
дышащий падалью мох:
– не желай больше двух!
– не бери больше трех!
Но единожды – спрячь,
Но единожды – прочь.

Ночь была
но мне чудилось –
чудится ночь

5 - 11.01.97

Так в рай хотелось,
что в золотой пыльце
и в синей пыли –
не узнала ада.
Но дверь и там захлопнулась,
и здесь.
И два пространства давят,
силясь слиться,

до красного пергамента,
до сипа
ступни моей.

1998

Сетка-сеточка над Парижем,
дождевая висит сеть.
Ты был близок,
а все же ближе,
надо же, смерть.

Ты водил меня за руку
в Городе Зыбкой Надежды
показать,
где не будет нас вместе
отныне и вперёд.

Легких слез –
мой тюлень,
мой олень,

мой лохматый медведь –
не досталось на нашу долю,
лишь чернота и медь.

Лишь пустота и сахар,
и синий на рю Дарю
неприступным осколком
гномик лицом к плечу.
Обвенчавшись
мгновенной тенью
в ладанном мареве,
мы ушли,
позабыв про свечу.

И прожглись, и продлились,
и губами коснулись пепла
возле Улочки Убегающей Кошки,
столь короткой! –
А жизнь короче.

Ты мое дитя.
Я твое дитя.
Смерть все видит.
А жизнь короче.

05.05.1998

где нету смысла ждать,
там смысл вдруг появляется как плесень...

...

С Остужева и до Воротниковки
так зябко дышат легкие подковки,
что кажется, вот-вот умрут
на берегу Трехпрудного,
но до угла доходят,
три апельсина желтых покупают,
роняют в снег и роются в снегу.

Вот два нашлись,
но где бесенок третий?
Наверно, он смеется, в снег нырнув!

Прощай, беглец,
я все на свете знаю
при свете этой утренней зари.

Как ясно все на этом белом свете!
Зима, зима, поставлен крест на лете,
и на России крест,
и все пропало.

А в “Моссовета” снова “Бовари”.

зима 1995

Но тот, кто решился
меня разорвать пополам,
совсем не подумал,
куда его деть, этот хлам:

ни мусорной ямы,
ни сна,
ни гнезда,
ни норы.
В крови искупал
но не дал мне уйти из игры.

Мечтатель, старатель,
каратель,
исчезнувший сквозь,
а все же и в этом кругу
переломится ось!
я выйду из круга
и в новый виток попаду,
и ложь «все проходит»
придумаю в этом аду.

1996

Ах, надобно менять, но как менять?
И не на кого больше мне пенять.
Вперед и ввысь, к хрустальным берегам?
Но прошлое привязано к ногам.

Кораблик, зяблик, лучик, где он там?
Бреду как зверь по собственным следам.
Стеклянных снов тревожный лабиринт,
а в голове – веселый ржавый винт.

1996